

Старичок с Большой Пушкарской

Автор:

Александр Житинский

Старичок с Большой Пушкарской

Александр Николаевич Житинский

«- Запомни! - сказал Билинда. - Твоя мысль - это единственное, что останется от тебя в межзвездном пространстве. Не теряй мысли, Альшоль! Не отвлекайся на пустяки, иначе твое движение замедлится. Не возвращайся мыслями к прошлому, иначе полетишь назад. Думай о будущем, и тогда ты достигнешь Земли в кратчайший срок... И все же я не понимаю, зачем ты возвращаешься на Землю, - вздохнул Билинда. - Ты ведь знаешь, что ждет тебя там?

- Знаю, - сказал Альшоль. - Но это не кажется мне самым страшным...»

Александр Житинский

Старичок с Большой Пушкарской

Посвящаю моей средней и любимой дочери Саше

Пролог

- Запомни! - сказал Билинда. - Твоя мысль - это единственное, что останется от тебя в межзвездном пространстве. Не теряй мысли, Альшоль! Не отвлекайся на пустяки, иначе твое движение замедлится. Не возвращайся мыслями к

прошлому, иначе полетишь назад. Думай о будущем, и тогда ты достигнешь Земли в кратчайший срок... И все же я не понимаю, зачем ты возвращаешься на Землю, – вздохнул Билинда. – Ты ведь знаешь, что ждет тебя там?

– Знаю, – сказал Альшоль. – Но это не кажется мне самым страшным.

– А что же кажется тебе самым страшным? – удивился Билинда.

– Одиночество.

– Обидно слышать это от друга, – печально произнес Билинда. – Неужели тебе было одиноко здесь, на Фассии?

– Не сердись, Билинда. Но ведь я – человек, а ты – дождь. Я буду всегда вспоминать и тебя, и Уэлби, и Далибаса. Вы – мои вечные друзья. И все же я хочу к людям, потому что я – человек.

– Ты был человеком, – возразил Билинда. – Это было очень давно. Теперь ты – питомец Фассии, нашей вечной матери, даровавшей всем нам бессмертие. Зачем ты отказываешься от вечности?

– По правде сказать, мне немного надоела вечность, – сказал Альшоль, подставляя своему другу ладони. – Люди не созданы для вечности, она им в тягость.

– Однако ты терпел целых семьсот пятьдесят лет, – заметил дождь.

– Я привыкал к вечности, я старался ее понять. Лет сто я даже любил вечность, – вздохнул Альшоль. – И все же она оказалась не для меня.

– Жаль... – прошелестел Билинда. – С кем я буду теперь разговаривать по утрам? Я стучал тебе в окно первыми каплями и всегда уважал за то, что ты не раскрывал зонтик, выходя на крыльцо. По-моему, у тебя даже нет зонтика?

– Само собой. Некрасиво раскрывать зонтик, когда беседуешь с дождем. Ты был всегда таким теплым, Билинда...

– Вот-вот, – проворчал дождь, стекая по белоснежной бороде Альшоля. – А на Земле ты познакомишься с другими дождями, станешь с ними петь песенки и пробовать на язык их капли.

– Во-первых, дожди на Земле не умеют петь. Разве что без слов, – улыбнулся Альшоль. – А во-вторых, там сейчас неважно с экологией, поэтому пробовать капли дождя опасно. Они могут быть ядовиты.

– Ядовиты?! – ужаснулся Билинда. – И ты летишь туда?! Скажи, а ты сможешь вернуться сюда, если захочешь?

– Нет, – покачал головой Альшоль. – Мысль способна приводить тела в движение только здесь, на Фассии. На Земле мысль не может сдвинуть с места даже песчинку.

– Зачем же они там вообще мыслят, если мысль ничего не может сделать? – удивился Билинда.

– Мысль и там многое может. Но для того, чтобы она осуществилась, нужно постараться. На Земле это называется трудом. А без труда, говорят на Земле, не вытащишь и рыбку из пруда...

– А на Фассии рыбку можно поймать запросто! – засмеялся Билинда, колотя своего друга каплями по плечам. – Только подумал – и она уже в руках!

– Это у кого есть руки... – заметил Альшоль.

– На что ты намекаешь? – обиделся Билинда. – Подумаешь – руки! Может, мне и глаза завести, и бороду, как у тебя? Я – дождь, и горжусь этим! Руки мне ни к чему. И борода тоже...

– Разве я настаиваю, чтобы ты отпустил бороду? – развел руками Альшоль.

– Я бы и бороду отрастил. Лишь бы ты остался, – еле слышно сказал Билинда. – Ну кому я буду по утрам стучать в окно?

– Постучишь Далибасу. А захочешь – тоже прилетишь на Землю, – сказал Альшоль.

– Чтобы стать бессловесным тупым ливнем? Пролиться из тучи и погибнуть? – оскорбился Билинда. – Здесь моя мысль собирает капли в ручейки, ручейки становятся лужами, лужи испаряются и превращаются в облака, а потом появляюсь я, чтобы поговорить с тобой. Ни одна капля еще не пропала! А кто уследит за ними на Земле, если я буду лишен мысли?

– Прилетай вместе с мыслью. Ты будешь первым мыслящим дождем на Земле. Глядишь – и другие научатся!

– Это мысль! – обрадовался Билинда. – Ну, давай прощаться, у меня облако кончается. Подставь мне лицо и бороду, я хочу умыться тобой в последний раз.

Альшоль поднял лицо. Дождь сбегал тонкими струйками по щекам и бороде.

– Прощай, Билинда!

– Прощай, Альшоль!

Облако пролилось все, до капли. В небе над Фассией снова засияли два солнца – одно побольше, красноватого цвета, другое – маленькое, голубоватое. Запели птицы и камни, приветствуя свет. Зашевелились листья деревьев, их мысли о теплом дожде сплелись в прозрачную тонкую сеть.

Альшоль вздохнул всей грудью и прикрыл глаза. Теперь нужно было направить мысль в сторону родной планеты Земля. Альшоль сложил руки на груди и застыл, как изваяние, пытаясь вообразить весь путь в космосе до самой Земли. Потом он коротко и решительно подумал: «Лечу!».

И в тот же миг исчез с планеты Фассия.

Участковый инспектор милиции старший лейтенант Тофик Мулдугалиев придвинул к себе рапорт постового Бучкина и углубился в чтение.

В рапорте, написанном с большим числом орфографических ошибок, сообщалось, что постовой Бучкин обнаружил появление в микрорайоне нового лица «без определенного места жительства и занятий» (БОМЖиЗ).

Лицо это, старик «на вид около восьмидесяти лет», как было написано в рапорте, впервые попал в поле зрения постового неделю назад на Большой Пушкарской. Он обратил на себя внимание тем, что был одет в непонятную хламиду зеленого цвета, а также попыткой разговаривать с кустом сирени в скверике на углу Пушкарской и улицы Олега Кошевого. Постовой, подкравшись сзади, подслушал часть разговора, но внятно изложить его суть в рапорте не сумел. Вроде бы старик уговаривал куст сирени не стесняться и снять со своих уст какой-то запрет. В рапорте так и было написано: «снять запрет с уст». Увидев постового, старик поклонился ему и сказал: «Здравствуй, друг! Давно не виделись», – на что постовой, естественно, потребовал документы.

Никаких документов у старика не оказалось, поэтому постовому пришлось расспросить седобородого незнакомца – кто он и откуда взялся.

Выяснилось, что зовут его Альшоль. Фамилия это или имя, старик ответить затруднился. Альшоль – и всё тут! На вопрос о возрасте Альшоль дал ответ совершенно бредовый. Он заявил, что ему семьсот пятьдесят один год. Где родился – помнит смутно, говорит, что где-то на Севере; когда же постовой спросил, откуда он приехал в Ленинград, Альшоль ответил коротко: «Издалека».

Тут бы его и арестовать и отправить в спецприемник, но постовой Бучкин почему-то этого не сделал. Отпустил старика. Впрочем, тот никуда не делся, продолжал околачиваться в скверике, вступал в беседы с гуляющими там мамашами и их малолетними детьми, кормил воробьев гречневой кашей, которую неизвестно где раздобыл, а на ночлег устроился в телефонной будке, что на Большой Пушкарской неподалеку от кинотеатра «Молния», прямо напротив гриль-бара.

Спал он там сидя, привалившись к стенке и положив свою длинную бороду на колени.

Через пару дней старика уже хорошо знали окрестные жители, дали ему прозвище «зеленый попик» за его странную хламиду, напоминавшую поповскую рясу, и стали выносить ему из домов еду. Причем Бучкин заметил, что Альшоль ел очень мало – и только рассыпчатые каши: рисовую, гречневую, пшенную. Остатки скармливал птицам. Когда выносили суп или котлету, Альшоль угощал кошек и собак.

Спал он по-прежнему в телефонной будке. Сон его был очень чуток, так что если кому-нибудь требовалось позвонить даже поздно вечером, Альшоль немедленно просыпался, гостеприимно распахивал дверь и приглашал в телефонную будку: «Милости прошу!» или: «Добро пожаловать!».

На четвертый день, как докладывал постовой, старик разжился шваброй и ведром воды, взятыми в соседнем доме, и вымыл свою телефонную будку до блеска. Видимо, этого ему показалось мало, и он выкрасил таксофон в желтый цвет, одолжив кисть и краску у тех же обитателей соседнего дома.

Но на этом подвиги неугомонного старичка не закончились. Уже на следующий день он, как явствовало из рапорта, выпросил в ближайшем отделении связи горсть двухкопеечных монет под расписку и, обосновавшись рядом со своей будкой под старым зонтиком, разменивал желающим позвонить по телефону серебряные монеты на двушки. Серебряные деньги аккуратно сдавал наутро в отделение связи.

Участковый дочитал рапорт, отложил его в сторону и ознакомился с другими бумагами. Среди них было донесение ночной патрульной службы о странном скоплении людей ночью на детской площадке, что на углу улицы Ленина и Большой Пушкарской. Толпа человек в десять, сгрудившись на площадке, увлеченно занималась каким-то делом, но при появлении патрульной машины бросилась врассыпную. Неизвестные разбежались по подворотням, никого задержать не удалось. Осмотр площадки показал, что толпа, по всей вероятности, занималась вырезыванием из толстого бревна деревянной скульптуры. Вокруг неоконченной работы валялись свежие стружки и был найден остро заточенный нож.

Последним документом оказалась жалоба работников плавательного бассейна из детской спортивной школы. Неизвестные злоумышленники за ночь вычерпали из бассейна почти всю воду, которой, судя по всему, щедро полили находящиеся вокруг бассейна стулья, спортивные снаряды и прочий инвентарь: утром все это

было найдено мокрым. Никаких повреждений дверей, окон и замков обнаружено не было.

Лейтенант Мулдугалиев пригладил свои черненькие усики, надвинул на лоб фуражку и решительным шагом покинул кабинет, чтобы разобраться во всем на месте. Первым делом он поспешил на Большую Пушкарскую к телефонной будке. Не хватало ему только «зеленых попиков» на участке!

Не доходя нескольких десятков метров до места, указанного в рапорте, участковый убедился, что донесение постового Бучкина полностью соответствует действительности. У свежeweымытой телефонной будки с желтеющим внутри таксофоном на низенькой табуретке сидел старичок в зеленой хламиде. В руках он держал старый сломанный зонт с прорванными перепонками.

Мулдугалиев подошел поближе и увидел, что на коленях старичка лежит картонная дощечка с надписью: «Размен монет для автомата» и тут же аккуратными столбиками размещаются двухкопеечные монетки.

Старичок поднял на милиционера глаза и доверительно улыбнулся.

– Гражданин Альшоль? – спросил участковый.

– Только не гражданин. Просто Альшоль, – ответил старичок.

– У нас так положено: либо «товарищ», либо «гражданин», – пояснил лейтенант и, приложив руку к козырьку, представился: – Участковый инспектор Мулдугалиев... От какой организации работаете?

– Я не от организации. Я от себя, – сказал старичок.

– Нарушаете, – по-отечески мягко сказал Мулдугалиев. – У вас есть патент на индивидуальную трудовую деятельность?

Старичок задумался. Он явно не понял вопроса.

– Документ на право торговли с рук у вас есть? – спросил инспектор.

- Я не торгую. Я просто помогаю тем, у кого нет монетки.

- Значит, оказываете услуги населению! - обрадовался участковый. - Патент на это имеете?

- Я ничего не имею, кроме свободного времени, - ответил Альшоль.

- Вы на пенсии? - спросил участковый.

- Давным-давно! Только я ее не получаю.

- Почему?

- Не платят, - вздохнул Альшоль.

- В собес обращались?

- Нет-нет, никуда не обращался.

- Гражданин Альшоль, перестаньте морочить мне голову! - вскричал Мулдугалиев. - Вы ленинградец?

- Теперь - да.

- А раньше?

- Раньше - нет.

- Откуда же вы?

- С Фассии, - ответил Альшоль.

Участковый задумался. Он никогда не слышал о таком городе или местности. Вокруг между тем понемногу собирались зеваки. Милиционер наклонился к старичку и спросил в упор:

- С какой целью вы прибыли в Ленинград?

- Умирать... - печально вздохнув, ответил Альшоль.

- Так чего же... это... - участковый растерялся.

- Почему не умираю? Время требуется. Подождите немного. Я уже чувствую необратимые изменения, происходящие в моем организме. За неделю я постарел на несколько десятков лет.

Все это Альшоль выговорил участковому тихо и смиренно, будто давно свыкся с мыслью о близкой смерти и ему неприятно причинять хлопоты окружающим.

Мулдугалиев побагровел. А что, если этот седобородый старик и впрямь загнется здесь, на его участке? Разборок не оберешься!

- Следуйте за мной, - приказал он, выпрямляясь.

- Куда? - удивился Альшоль.

- В отделение. Там разберемся.

- Эй, лейтенант, чего к старику привязался? Он что - мешает тебе? - раздался голос из толпы.

Участковый оглянулся. Спрашивал парень лет двадцати с квадратными бицепсами. Рядом с ним стояли двое таких же. Наверное, культуристы из клуба «Атлант», не иначе.

- Нарушение... - сбавил голос Мулдугалиев.

- В чем нарушение? Сидит себе на солнышке, монетки меняет...

- Да он же сумасшедший... - еще более понизив голос, отвечал участковый. - Вот скажи, дед, какой у тебя возраст? - снова повернулся он к Альшолю.

- Семьсот пятьдесят один год, - ответил Альшоль.

- Ну, видите! - обрадовался Мулдугалиев.

- Ничего не значит. Мафусаилу еще больше было, - сказала из толпы девушка.

- Кому? - насторожился участковый.

- Это из Библии. Вы не знаете.

- А он тоже из Библии?! - закричал Мулдугалиев.

- Ладно, лейтенант. Если старику нужна помощь, врача пришли. А в отделение таскать нечего, - спокойно, с расстановкой произнес парень с бицепсами.

Его друзья согласно кивнули.

Мулдугалиев струсил. Эти старика не отдадут.

Он изобразил на лице фальшивую улыбочку.

- Я же как лучше хотел... Пожалуйста, пусть сидит. Мне не жалко... А в собес обратиться надо, гражданин Альшоль, - напутствовал он старика и вразвалку, стараясь сохранять достоинство, двинулся по улице дальше.

Парень с бицепсами положил перед Альшолем листок бумажки.

- Вот мой телефон, дед. Если что - звони. Я здесь рядом живу...

- Спасибо, - сказал Альшоль. - Только вы напрасно беспокоитесь, потому что мне скоро умирать.

- Ну, с этим делом можно не торопиться, - сказал парень.

А лейтенант милиции, обдумывая планы мести, дошел по Пушкарской до скверика на углу улицы Ленина. И вправду, на детской площадке с деревянными

домиками и горками стоял обрубок бревна в два обхвата со следами свежей резьбы. Судя по всему, неизвестные злоумышленники пытались вырезать человеческое лицо, но не успели. Из бревна торчал нос, а глаз смотрел на участкового инспектора с выражением неземной кротости.

«Надо дать команду дворникам, чтобы убрали», – отметил про себя Мулдугалиев и вернулся в свой кабинет. Там он сел за стол, вынул из ящика толстую тетрадь и занес в нее сведения о старичке с Большой Пушкарской.

Сведения выглядели так:

«Фамилия, имя, отчество – Альшоль.

Год рождения – 1239 (по его же словам).

Место рождения – Фассия.

Национальность – не установлена.

Род занятий – без определенного места жительства и занятий (БОМЖиЗ), в настоящее время занимается разменом монет на Большой Пушкарской, ночует в телефонной будке».

Занеся эти сведения в общую тетрадь, Мулдугалиев придвинул к себе чистый лист бумаги и принялся писать представление районному прокурору на предмет принудительного психиатрического обследования гражданина Альшоля, лица БОМЖиЗ, 1239 года рождения, обитающего ныне на вверенном ему участке.

Глава 2

Санька закончила шестой класс с двумя тройками – по русскому языку и ботанике. Возникла перспектива ехать на дачу с дедушкой и его сестрой бабушкой Клавой.

Санька как только вспоминала бабушку Клаву, так сразу начинала дергаться. Баба Клава любила закатывать банки с маринованными огурцами и употребляла слова «намедни» и «давеча», а Санька никак не могла понять – какая разница между этими словами. Но мама все равно намеревалась упрятать Саньку на дачу, поскольку сама уезжала на гастроли со своим хореографическим кружком по старинным русским городам – Углич, Ростов, Ярославль и Мышкин.

Санькина подруга Кроша, когда услышала про город Мышкин, чуть не расплакалась – так ей стало жаль этот город! Они в тот день сидели и обсуждали, как на лето избавиться от родственников: Крошу тащили в Крым, в пансионат. От пансионата не отвертишься, там путевки и трехразовое питание. Кроше и самой было жалко питания, если оно пропадет. Поэтому она больше изобретала идею для Саньки, понимая, что сама на трехразовое питание обречена.

– Запишись в городской пионерский лагерь при ЦПКиО, – посоветовала Кроша.

– Мама не разрешит. Она говорит, что на даче – воздух.

– А ты скажи... Скажи, что у тебя пионерское поручение! – придумала Кроша. – Запишись в отряд милосердия!

Отряд милосердия создали в школе недавно, когда узнали про это слово и стали вспоминать, что оно означает. И Кроша записалась в отряд милосердия. А Санька – нет. Раз в неделю Кроша навещала старушку Софью Романовну на Гатчинской улице, бегала для нее в магазин за кефиром и подметала коридор в коммунальной квартире, где старушка жила. Софья Романовна давала Кроше конфетку, и они прощались до следующего вторника. Кроша считала, что сеет добро и милосердие. Санька не соглашалась.

– Если уж милосердствовать, – говорила Санька, – то каждый день!

– Каждый день я не могу, – вздыхала Кроша. – У меня музыкальная школа.

И вот теперь, накануне отъезда в пансионат, Кроша со всей щедростью предложила свою старушку подруге.

– Я скажу Софье Романовне, что ее передали тебе. Будешь ходить, как договоритесь. Остальное время – твое, – сказала Кроша. – Твоя мама не станет возникать против милосердия.

– А если она узнает, что отряд на лето распущен?

– Откуда она узнает? Школа уже закрыта, Наталья Валентиновна в отпуске, – резонно возразила Кроша.

– А эта... Софья Романовна твоя... Что она заставляет делать? – закапризничала Санька.

– Что значит «заставляет»? – возмутилась Кроша. – Если «заставляет» – это уже не милосердие, а рабство! Ты должна сама! Ты теперь сестра милосердия...

– Ну, хорошо, – согласилась Санька.

Вечером того же дня Санька проверила маму на милосердие. Она так расписала немощь и болезни Софьи Романовны, что мама сдалась. Конечно, ей очень не хотелось, чтобы Санька летом болталась в городе одна, но Санька уверила, что отряд милосердия не даст ей скучать.

– Мы утром со старичками, а вечером дискотека!

– Лучше уж и вечером со старичками, – сказала мама.

Дедушка разворчался, вспомнил свое деревенское детство и зачем-то войну, но в конце концов тоже смирился. Против милосердия не попрешь.

Перед отъездом в пансионат Кроша повела Саньку к Софье Романовне. Они пришли на Гатчинскую улицу, во двор, где была навалена куча угля, и поднялись по грязной лестнице на четвертый этаж.

Кроша позвонила три раза. Дверь открыл парень лет двадцати в майке и в брюках. В руках он держал вилку. На вилку был насажен огурец.

– Софья Романовна дома? – спросила Кроша.

- Она умерла, - заявил парень и с хрустом откусил огурец.
- Как?! Я же у нее была месяц назад... - пролепетала Кроша.
- Угу, - кивнул он, жуя. - Две недели, как преставилась.
- Что сделала? - не поняла Кроша.
- В ящик сыграла, - пояснил парень. - Вы родственницы?
- Нет... Мы так... Спасибо...

Парень захлопнул дверь, и Кроша с Санькой бегом кинулись вниз. Они вышли со двора и молча дошли до скверика на углу улицы. Там уселись на скамейку и вздохнули.

- Она хорошая была? - спросила Санька.
- Не знаю, - сказала Кроша. - Постой, у нее же кошка жила! Аграфеной звали. Серенькая такая, гладкая...
- Пошли! - Санька поднялась со скамейки.
- Куда? - Кроша испуганно уставилась на Саньку.
- За Аграфеной.

На этот раз парень принял их совсем неприветливо. В руке он держал не вилку, а стакан с налитым в него красным вином.

- Ну, чего вы опять?! - закричал он.
- Мы за кошкой. У Софьи Романовны кошка была. Где она? - смело сказала Санька.

– А я почему знаю? Шастает где-то по квартире, жрать просит! – Парень пошел к дверям своей комнаты.

Санька первой вошла в квартиру, Кроша за ней. Кошку они нашли быстро. Она сидела в кухне под раковиной и вылизывала пустую консервную банку.

– Эта? – спросила Санька.

– Да.

– Пошли, Аграфена. – Санька сграбастала кошку, и они покинули дом на Гатчинской окончательно.

– Что же ты с ней делать будешь? – спросила Кроша, когда они прощались.

– Дрессировать, – сказала Санька. – Как Куклачев.

И подруги расстались. Кроша отправилась в Крым, а Санька, проводив маму в Углич, а бабушку на дачу, осталась одна с Аграфеной.

На душе у Саньки было мутно. А всему виной была мама. Уезжая, мама тоже решила проявить милосердие и оставила Саньке вязаный шерстяной жакет, почти совсем новый, чтобы Санька передала его Софье Романовне.

– Зимой ей будет холодно, – сказала мама. – Вот и погрееется.

Санька даже вздрогнула от этих слов. Нужно было сразу сказать, что никакой Софьи Романовны уже нет на свете!

Первым делом Санька упрятала жакет на антресоли, чтобы он не мозолил глаза. Но настроение не улучшилось. Саньке все время вспоминался парень, который сказал: «Она умерла», и хруст огурца у него на зубах.

Вдобавок Аграфена вела себя беспокойно: бегала по комнатам, мяукала, иногда набрасывалась на стену и начинала драть обои когтями.

Санька сварила рыбу, бросила ее Аграфене. Кошка ткнулась в горячую рыбу мордочкой, попробовала лапой, а затем принялась отрывать когтями по кусочку и не спеша, интеллигентно есть. Наверное, ее хозяйка была воспитанной старушкой, преподавательницей музыки или французского языка, решила Санька.

«Да что это я все о старушке!» – рассердилась она на себя.

Санька выглянула в окно и увидела тополиный пух, который кружил по двору, как теплая метель, собираясь в небольшие сугробы. И от этого нежного пуха родилась в душе такая тоска, что Санька тут же схватилась за телефонную трубку.

Но кому позвонить? Все разъехались. Кроша уже в пансионате, доедает, наверное, вечернее питание под названием «ужин».

И тут Санька вспомнила про «эфир».

«Эфиром» назывался способ телефонного знакомства. В городе существовало несколько телефонных номеров, по которым можно было выйти в «эфир». Эти номера были свободны, они не соединялись ни с какими абонентами. Секрет заключался в том, что если по этим номерам звонили сразу несколько человек, они могли слышать друг друга.

Когда на телефонной станции узнали про «эфир», свободные номера стали закрывать один за другим. Но остался один, самый тайный, самый секретный. Он еще действовал.

И Санька набрала этот номер.

В трубке послышался легкий шорох, где-то вдали пищали тихие гудки, едва слышались голоса. Саньке показалось, что она выплыла в открытый космос.

– Эй! Есть кто-нибудь? – крикнула Санька в трубку.

– Я в эфире! – вдруг гаркнул голос так близко, что Санька отшатнулась от трубки.

- Кто ты? – недовольно спросила она.

- Позвони – узнаешь. Мой номер 212-85-06, – сказал голос. – А твой?

Санька повесила трубку. Так она сразу и сказала! Подумав немного, она набрала 212-85-06.

- Я здесь, – сказал мальчишеский голос.

- В «эфир» выходил? – строго спросила Санька.

- Выходил.

- Зачем?

- Делать нечего. Как тебя зовут?

- А тебя? – спросила Санька.

- Захар, – сказал мальчишка.

- Врешь, – сказала Санька. – Такого имени не бывает.

- Охо-хо! – закричал Захар. – Еще как бывает! Между прочим, так звали слугу Обломова.

- Кого-о? – удивилась Санька.

- Книжки надо читать. Ну, как зовут-то?

- Аграфена, – сказала Санька.

- То-то и видно, что Аграфена, – сказал Захар. – Хотя ты, конечно, врешь. Но мне наплевать. Груня так Груня. В каком классе учишься, Груня?

- В восьмой перешла, - соврала Санька.

- Детский сад, - вздохнул Захар. - Чего в «эфир»-то лезешь в таком возрасте?

- А тебе, что - больше? - обозлилась Санька.

- Я, между прочим, Аграфена, скоро паспорт получу.

- Подумаешь! Ну и целуйся со своим паспортом! - крикнула Санька и повесила трубку.

Несколько минут Санька бурлила по поводу этого неизвестного Захара. Всего на полтора года старше, а воображает! Книжку читал про какого-то Обломова! А сам небось «Круиз» от «Металлики» не отличит!

Санька со злости распахнула холодильник, увидела вчерашний салат из огурцов со сметаной, что мама оставила. Съела его быстро, чтобы успокоиться. Вытерла рот, села и задумалась.

Тоска, хоть убейся!

- Аграфена! - позвала Санька.

Кошка не показывалась.

Санька нырнула под диван. Аграфена сидела в углу, сверкая желтым глазом. Санька распласталась на полу, вытянула руку что есть силы и выгребла кошку из-под дивана.

- Пошли гулять, Аграфена!

Кошка всем своим видом показывала враждебность. «Еще убежит, - подумала Санька. - Ее на поводке бы вывести!» Но поводка у Саньки не было.

Санька секунду подумала, потом, не выпуская Аграфену из рук, помчалась в кухню, где нашла старую авоську с крупными ячейками. В этой авоське дедушка

носил картошку.

Санька принялась запихивать в авоську Аграфену, причем кошка сопротивлялась, будто ее совали в печку. С невероятным трудом Саньке удалось просунуть четыре Аграфенины лапы в ячейки авоськи, затем ножом разрезать несколько веревочек в том месте, куда тыкалась обиженная морда Аграфены, и просунуть эту морду в образовавшееся отверстие. Последним Санька выпростала хвост.

Теперь туловище Аграфены находилось в авоське, а морда, лапы и хвост – снаружи.

Санька связала узлом ручки авоськи и прицепила к ним одним концом свою старую скакалку. Получился оригинальный поводок. Санька опустила Аграфену на пол. Кошка в сетке снова метнулась под диван, но Санька мигом вытащила ее оттуда за скакалку.

– Не бойся, Аграфена! Очень клевый получился поводок! – И они пошли гулять.

Кошка стремглав припустила по лестнице вниз. Санька едва поспевала за нею. Оцарапанные руки горели. Аграфена оказалась сильной, как трактор. Санька двумя руками вцепилась в скакалку и мчалась за кошкой, точно спортсменка на водных лыжах – за катером.

Они проскочили подворотню и выбежали на улицу.

Было уже довольно поздно, часов около одиннадцати вечера, но на улице было светло, как днем. В небе золотились прозрачные облачка, белая луна всходила над крышами, плавал в воздухе тополиный пух, но Санька ничего этого не замечала, потому что неслась за Аграфеной. Аграфена с безумными глазами, натягивая скакалку, увлекала Саньку куда-то в сторону Большой Пушкарской.

– Девочка, тебе помочь? – посочувствовал дяденька с брюшком, которого они обогнали. Дяденька совершал вечерний бег трусцой.

– Не надо... Спасибо... Мы гуляем... – не оборачиваясь, выдохнула Санька в три приема, но дяденька был уже далеко позади.

Они выскочили на пустынный Большой проспект, пересекли его со скоростью молнии и через пять секунд были уже на Большой Пушкарской.

Внезапно Аграфена остановилась и выгнулась в авоське, зашипев, как проколота шина. Санька с разбегу налетела на нее и тоже остановилась.

Прямо на них надвигался огромный черный дог, неторопливо ведущий на поводке хозяйку. Дог ощерил пасть и глухо зарычал.

Санька оглянулась по сторонам, увидела рядом телефонную будку и юркнула туда с Аграфеной, плотно притворив дверь.

Женщина с догом проплыли мимо.

И тут только Санька заметила, что они с Аграфеной в телефонной будке не одни. В уголке, плотно прижавшись к стеклу, вытянулся в струнку старичок, похожий на гнома. Ростом не выше Саньки, с длинной белой бородой и смуглым морщинистым лицом. Одет он был в длинную зеленую рубаху, перепоясанную бумажным шпагатом.

Старичок смотрел на Саньку с Аграфеной с нескрываемым любопытством, но очень доброжелательно.

– Здравствуйте... – пролепетала Санька.

– Добро, пожаловать, – наклонил голову старичок.

Глава 3

Санька вернулась домой в первом часу ночи. Она вошла в темную пустую квартиру, в глубине которой глухо урчал холодильник. Аграфена понуро следовала за Санькой на поводке. Однако, едва дверь за ними закрылась, как Аграфена выгнула спину и издала резкий крик. Санька вздрогнула.

Из дедушкиной комнаты исходило бледное сияние. Саньке показалось, что она слышит шаги и тихое бормотанье, и она остановилась в испуге. Внезапно кошка метнулась к дедушкиной комнате, вырвав поводок из Санькиных рук. Скакалка волочилась за Аграфеной, как длинный хвост, стукая рукояткой по паркету.

Из дедушкиной комнаты донеслись шепоток и мурлыканье Аграфены. Потом сияние исчезло.

Санька пересилила страх и заглянула туда. Аграфена лежала на дедушкиной кровати, завернувшись в скакалку. В комнате никого не было.

Санька стала бегать по квартире и везде включать свет. Через минуту квартира засияла, как праздник. Но беспокойство не прошло. Всею виной была встреча со странным старичком, наговорившим Саньке кучу удивительных вещей.

Спать совсем не хотелось. Санька взялась за трубку и набрала номер Захара.

- Слушаю вас, - сказал сонный голос.

- Захар, это ты? Говорит Аграфена. Ты не спишь? - тихо и быстро произнесла Санька в трубку.

- Ну, ты даешь, Груня... - проворчал Захар. - Позже ты не могла позвонить? Что там у тебя стряслось?

- Захар, слушай меня внимательно... Я познакомилась с пришельцем, - сообщила Санька.

- С кем?? - удивился Захар.

- С инопланетянином! Он - старик, живет в телефонной будке. Прилетел сюда умирать! Захар, надо что-то делать!

- И для этого ты меня разбудила? Я сказок не читаю давно. Я их прочел в первом классе. Спокойной ночи!

- Не вешай трубку! - закричала Санька так, что кошка подпрыгнула на кровати. - Я правду говорю! Его зовут Альшоль.

И Санька, сбиваясь и спеша, принялась выкладывать Захару то, что она только что узнала от старичка по имени Альшоль.

Когда-то давным-давно, еще мальчишкой, он был взят с Земли космической экспедицией инопланетян и попал на планету Фассия. А там такой состав атмосферы, что все живые существа становятся бессмертными. Там все умеют мыслить - даже камни, деревья и дожди. На Фассии мысль обладает энергией, она может двигать предметы, рыть каналы и строить дома. Причем выстроенные дома тоже начинают мыслить.

- Представляю, какая там неразбериха... - иронически заметил Захар.

- Слушай дальше! - оборвала его Санька.

Альшоль, по его словам, плохо помнил, откуда его увезли на Фассию. Кажется, он жил где-то на севере, в дикой каменистой стране с горами и ледниками, с потухшими вулканами и полями застывшей каменной лавы. Холодное море билось о скалы и ревело во время шторма. Жители этой страны обитали в землянках и питались рыбой, а на плоскогорьях жили великаны, которые питались жителями. Это происходило по ночам, а днем великаны обращались в скалы.

- Знаешь, как звали великанов? Трётли! - выпалила Санька.

- Все понятно, Груня. Твой старикашка жил в Исландии, - сказал Захар.

- А ты откуда знаешь?

- Я же тебе говорил, Груня, книжки надо читать, - наставительно сказал Захар. - Только я не пойму - на каком языке ты с ним разговаривала?

- Как на каком? На русском, конечно!

- Откуда же твой Альшоль знает русский язык, если он исландец?

- Он не только русский знает! Он все языки знает! На Фассии умеют принимать мысли с других планет на всех языках. Вот он постепенно и выучился. Времени у него было навалом! Семьсот пятьдесят лет!..

- Ты все сказала? - спросил Захар. - Теперь послушай меня. Я очень рад, что твой старичок сохранил буйство фантазии. Однако он врет, как сивый мерин...

- Как кто?! - вытаращилась на трубку Санька.

- Ты не знаешь... Скорей всего, он убежал из сумасшедшего дома. Его отловят и заберут обратно.

- Даже если так... Тебе его не жалко?

- А чего мне его жалеть?

- Ну и читай свои книжки! Ты все знаешь! Ты скучный, скучный! - со слезами воскликнула Санька и бросила трубку на рычажки.

«Бедненький Альшоль! Сидит там сейчас в телефонной будке скорчившись. Никого у него нет. Готовится умереть... Какая разница - с Фассии или из сумасшедшего дома?»

Санька всхлипнула, выволокла из кладовки стремянку и полезла с фонариком на антресоли. Она всегда делала так, когда была дома одна или хотела о чем-то подумать.

На этих антресолях, расположенных над коридором в кухню, находилась Санькина металлическая коллекция, поскольку Санька считала себя металлисткой. Так же считала и ее подруга Кроша.

Санька и Кроша дружили с первого класса. В шестом выяснилось, что Саньке больше всего нравятся чугунное литье и сварные конструкции, а Кроше - непотворение злу насилем, не считая булочек с изюмом. Она и сама была, как булочка - маленькая и пухлая. И ненавидела свою пухлость. Каждый раз, подходя к зеркалу, приходила в уныние. Она считала, что поборнице справедливости следует быть худой и бледной.

Кроша хотела сеять добро, а Санька убеждала ее искоренять зло.

– Где ты возьмешь столько добра, чтобы его посеять? – спрашивала она у Кроши. – А вот зла кругом – сколько хочешь. Искать не надо. Если уничтожить все зло, и добра не потребуется. Будет и так хорошо.

В рассуждениях Саньки логика была железная. Недаром же она была металлисткой! Жаль только, что металлическую коллекцию приходилось держать на антресолях, чтобы не волновать семью.

Санька с мамой и бабушкой жили в трехкомнатной квартире, в старом доме с высокими потолками, неподалеку от проспекта Щорса, а Санькин папа жил в другом городе и звонил Саньке по телефону. Но речь здесь не о папе, а об антресолях. Они были такими высокими, что Санька могла стоять там во весь рост. Она забиралась по стремянке вверх, распахивала дверцы, зажигала фонарик и осматривала свои сокровища.

По стенам антресоли тянулись деревянные полки, на них раньше лежал всякий хлам, но после ремонта хлам выбросили, оставили зачем-то только старый папин портфель, перевязанный электрическим шнуром. Санька никогда в него не заглядывала.

На освободившихся после ремонта полках стали потихоньку накапливаться железные и чугунные вещи: фреза, напильник, болты и гайки, гирька от настенных часов, колесо водопроводной трубы, топор без топорика, старинный литой утюжок, железная цепь от собаки, блестящие шарики разной величины и кое-что другое. Здесь же висели фотографии металлистов с остроугольными гитарами, похожими на ласточкин хвост. Металлисты были с длинными волосами и в черной коже, усеянной шипами и заклепками. Санька была вынуждена повесить их здесь после того, как бабушка, рассердившись на одного металлиста из группы «Айрон Мейден», назвал его фашистом и хотел выкинуть в мусорное ведро. То есть не его, а фотографию. Жили они теперь в полной темноте, свирепо взглядывая на Саньку, когда она освещала их карманным фонариком.

С коллекцией вообще было много хлопот.

Во-первых, ее нужно было держать в секрете от бабушки и отчасти от мамы. Бабушка был отставным полковником, насмотрелся на железо во время войны в своих танковых частях, теперь ему железо на фиг было не нужно. Мама, напротив, преподавала хореографию во Дворце культуры Ленсовета, была весьма далека от железа, но почему-то считала, что девочкам оно ни к чему.

Во-вторых, железо имело обыкновение ржаветь, исключая никелированные шарики от старых кроватей. Экспонаты потихоньку покрывались рыжеватой пылью, про которую Санька вычитала в учебнике химии для седьмого класса, что она есть окисел железа. С тех пор она это слово возненавидела. Окисел! Жутко противно... Всех неприятных лиц мужского пола Санька про себя называла «окислами», а женщин – «окисями». Заодно она не любила молочный кисель, считая его окислом молока.

В целях борьбы с окислами Санька проштудировала учебник химии для седьмого, хотя сама училась еще в шестом. В том же учебнике она нашла слово «коррозия», которое стала применять ко всем явлениям жизни, вызывающим отвращение.

Например, сбор макулатуры и пионерский сбор считались у Саньки явлениями коррозии, в окислах ходили Раймонд Паулс, Юрий Антонов и почти все персонажи «Утренней почты». В душе она считала окислом даже Гребенщикова, но никогда его так не называла, чтобы не обидеть Крошу, потому что Кроша тащилась на «Аквариуме» с детского сада.

С обыкновенными химическими окислами, то есть со ржавчиной, Санька справлялась просто. Раз в месяц, обычно по субботам, когда мама уходила на занятия балетного кружка, а бабушка на заседание Совета ветеранов, Санька забиралась в антресоль с тазиком мыльной воды и масленкой от маминой швейной машины. Там она тщательно промывала каждый экспонат, протирала его сухой тряпочкой и смазывала машинным маслом. Закончив работу, Санька усаживалась под фотографией того самого металлического фашиста из «Айрон Мейден» и любовалась своим богатством, отливавшим влажным синеватым блеском. В антресоле приятно пахло машинным маслом, проклятые окислы тихо лежали на дне тазика; чугунный утюжок, цепь от собаки, фреза – все было тяжеленьким, чистеньким, опасеньким, прямо прелесть.

Иногда к Саньке присоединялась Кроша – и они сидели рядышком, каждая в своем хайратнике: у Кроши в виде вязаной шерстяной ленточки, а у Саньки в

виде кожаного ремешка, прошитого заклепками.

В благодарность за то, что Кроша заходит в металлический тайник, Санька летом ездила с нею в Юкки, собирала полевые цветы и украшала вместе с Крошей портрет Гребенщикова, висевший над секретером Кроши совершенно открыто. Крошины родители слушали Баха и «Кинг Кримсон», знали слово «постпункфloyd», в общем, были довольно продвинутыми. Но не настолько, чтобы увлекаться металлом, так что и в их доме Санька была вынуждена держать язык за зубами.

В полный рост Санька оттягивалась только в безалкогольном баре «Космос», где по вечерам собирались местные любители металла и тихо поедали мороженое, звякая болтами и гайками. На эти вечера Санька надевала цепь от собаки, служившую предметом зависти. К сожалению, металлические приятели были весьма неряшливы в смысле коррозии, их атрибутика была подозрительно рыжеватой, а об окислах они и слухом не слыхивали.

Поэтому Санька испытывала одиночество.

Глава 4

Телефонный звонок раздался под утро.

Санька мгновенно проснулась, скатилась с антресолей, но трубку сразу не сняла – чего-то испугалась. В ранних телефонных звонках есть некая угроза. Несколько секунд Санька неподвижно смотрела на аппарат, но потом догадалась: это же мама звонит! Наверное, у нее поезд пришел рано, вот она и звонит. Она уже так звонила из Мышкина, на третий день после отъезда.

Санька схватила трубку.

– Это я, Альшоль, – раздался знакомый голос. – Прости, что разбудил тебя. Меня сейчас забирают, мне позволили предупредить тебя, чтобы ты не волновалась, когда сегодня придешь.

– Куда забирают?! – закричала Санька.

– Я не знаю. Они собираются меня лечить.

– Стой там! Ничего им не говори, никуда не соглашайся ехать! Я сейчас бегу! – выпалила Санька, бросила трубку и принялась одеваться, как на пожар.

Проснувшаяся Аграфена с ужасом следила за ней.

– Сиди, Аграфена! Я сейчас! – крикнула Санька и выскочила из дома.

На Большом проспекте дорогу Саньке преградили поливальные машины, которые шли уступом, брызжа из раструбов плоскими струями воды. Саньку обдало облаком мельчайших брызг. Это освежило ее и придало решимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhitinskiy_aleksandr/starichok-s-bol-shoy-pushkarskoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)